

УДК 82-95

Н.В. КАЛИБЕРДА,
*преподаватель кафедры иностранных языков
для инженерно-технических и естественнонаучных специальностей
Днепропетровского национального университета имени Олеся Гончара*

ДРУГОЙ РИЧАРДСОН. НОВЫЕ АКЦЕНТЫ В ВОСПРИЯТИИ ЛИЧНОСТИ И ТВОРЧЕСТВА ПИСАТЕЛЯ В ПОСЛЕДНИЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ XX в.

В статье актуализируются новые представления о личности и творчестве Сэмюэла Ричардсона, утвердившиеся в работах исследователей последних десятилетий XX ст. Переосмысливаются факты биографии, вовлеченность и участие писателя в противоборстве партий вигов и тори. Констатируется убежденность и твердость его политической позиции, осозанный выбор судьбы литератора. Подчеркивается всплеск интереса авангардных литературоведческих школ психоанализа, феминизма, герменевтики, теории читательского отклика, критики культуры к текстам «Шекспира прозы». Более гибко и пластично оцениваются свойства стилевой манеры Ричардсона, монументальный ансамблевый тип мышления, моралистичность, испытываемая сложными характерами героев, любовная тема, интерес к женскому миру, гендерному противостоянию персонажей.

Ключевые слова: монументальность, объемность текстов, энциклопедический тип мышления, полифоничность нравственной атмосферы романов, тема любви, стихия обыденности, герои-праведники и имморалисты.

Восьмидесятые годы XX ст. завершаются приметным событием в истории английской культуры: трёхсотлетний юбилей великого Ричардсона неожиданно станет переломной вехой восприятия наследия писателя. Предвзятое, снисходительно покровительственное отношение к издателю, печатнику, романисту XVIII в. академической критики – о чём десятилетием ранее напоминал Марк Кинкид-Уикс [7, с. viii], – сменится всплеском интереса авангардных литературоведческих школ психоанализа, феминизма, семиотики, неомарксизма, герменевтики, теории читательского отклика, критики культуры к творчеству «Шекспира прозы», запечатлевшего в своих текстах черты нарождающейся модерности [7, с. 3].

Редакторы памятного сборника «**Samuel Richardson: Tercentenary Essays**» (1989) Маргарет Дуди и Питер Сэйбор одними из первых почувствовали изменившиеся научные обстоятельства, и в вводных заметках свежо и обстоятельно «выписали» картины прошлого, воссоздали образ незаурядного человека, не только органично слившегося с эпохой, но и завоевавшего у современников репутацию моралиста, литератора, наделённого неистовым воображением и даром знатока тайников души влюблённых («the Master of the Heart»). Для Маргарет Дуди и Питера Сэйбора дата рождения Сэмюэла Ричардсона, июль 1689 года (её, по утверждению биографов, Ричардсон подарит любимой героине Клариссе Гарлоу), окажется пророческой [10, с. 1]. Так, поворотные моменты в его дальнейшей жизни будут нести печать перманентных импульсов обновления, как бы санкционированного Славной Английской революцией, свершившейся годом ранее (1688). Бурная эпоха становления британской государственности во многом определит упорный, свободолюбивый характер уже в молодые годы снискавшего известность лондонского предпринимателя, редактора, книгопродавца, спустя время покорившего европейский литературный Олимп.

Стихия перемен станет фоном изменчивой судьбы Ричардсона: непрекращающиеся колониальные войны, противостояние Франции в Европе и на других континентах, политическое соперничество вигов, десятилетиями находившихся у власти, и тори, создавших действенную оппозицию, череда тревожных якобитских восстаний (1715, 1745 гг.). Однако резонансные потрясения не остановят движение Англии к процветанию, также твёрдо, последовательно преодолеет трудности Ричардсон и, несмотря на трагические утраты, болезнью, иногда непонимание, достигнет заслуженной славы.

Миф об осторожности, выверенности принятия решений и поступков рассудительным буржуа Ричардсоном впоследствии развеют поздние биографы. Ричардсон не только не скрывает свои симпатии к оппозиции, но и издаёт сатирико-критические памфлеты, трактаты, выпускает знаменитую газету герцога Уортона «Истинный британец» («The True Briton»), лично сочиняет один из номеров, поручается за арестованного книготорговца Томаса Пэйна, близкого кругам тори, и вновь в 1724 г. приходит на помощь Пэйну, когда его приговаривают к тюремному заключению. Участвует Ричардсон и в публикации торийского журнала-еженедельника «Mist's Weekly Journal» и, по словам его друга, не ищет взамен покровительства, благодарности, тем более, от ганноверцев или влиятельных вигов [10, с. 2].

Джоселин Харрис права, утверждая, что стойкий политический фермент, окрасивший мышление британцев, начиная с религиозной вольницы гражданской войны прошлого столетия, пропитывает тексты Ричардсона [5, с. 1]. Симпатии автора к радикальным идеям разрушения сословных границ, необходимость образования, реформ и защиты гражданских свобод, гарантированных Славной революцией 1688 года, присутствуют в его книгах, и, следуя пронизательному наблюдению Маргарет Дуди и Питера Сэйбора, политические предпочтения Ричардсона разделяют центральные герои его великих романов. Персонажи Ричардсона причастны к конфликтам среды и мира, в котором обитают. Они ощущают противостояние нового и старого, консервативного в морали, реагируют на «рассогласованность» позиции вигов и тори, живут помыслами о свободе, ограничиваемой сословными предрассудками, оказываются втянутыми в бытийные коллизии между мужчинами и женщинами, интеллектуалами и властью, теми, кто устремлён в будущее (Modern), и другими, почитающими традицию (Ancient) [5, с. 2].

Годы ученичества, интерес к профессии, удачные браки, деловитость, растущий авторитет, друзья, ценящие мужество поступков и взглядов теперь уже одного из лучших и состоятельных лондонских издателей, незаметно приведут Ричардсона к овладению писательским ремеслом [1; 3; 4].

В 2012 г. один из наиболее влиятельных специалистов по английской литературной истории XVIII ст. Томас Кеймер выделит имена критиков и упомянет те научные тексты, где, по его убеждению, совершится революционный переворот во взглядах на Ричардсона и его литературное наследие. В этом ряду он назовёт Маргарет Дуди (1996), Джоселин Харрис (1987), Джеймса Тернера (1994), Питера Сэйбора (2004) [1; 2; 5; 8; 11].

Маргарет Дуди, посвятившая Ричардсону диссертацию (1965–1968 гг.), будучи сама опытным беллетристом, настаивает на том, что отношение к Ричардсону и его романам дополнится и обогатится в 1970–80-е гг., и это позволит Пэту Роджерсу утверждать, что «столетие Джонсона укоренено в столетии Ричардсона» [10, с. 5]. Литературные критики, искушённые читатели откроют для себя нового Ричардсона, отнюдь не архаичного, но современного художника, выразительно передавшего глубинный опыт переживания реальности. И теперь монументальность и объёмность его трудов, особую системность понимания мира, свойственную «веку философов и энциклопедистов», объяснят ансамблевым типом мышления, умением в единую точку обзора вместить обилие впечатлений, картин, эмоций, нескончаемый поток рефлексии. «Писатель, обладающий таким богатством мышления, должен быть нетороплив и не может быть кратким», – уверена Дуди [2, с. 90–91].

На исходе XX в. смягчится позиция критиков и в отношении излишней моралистичности произведений Ричардсона. Обеспокоенность нравственной тематикой автора уже не истолкуют как наивную ограниченность мещанина, уповающего на нормы христианской этики и врождённую чистоту морального чувства. Проницательные исследователи заметят полифоничность нравственной атмосферы «Памелы» (1740), «Клариссы» (1748) и «Чарль-

за Грандисона» (1753), где твёрдость моралистических представлений о добре и зле сочинителя, декларируемых в прологах к текстам, противостоит свободе действий и решений героев, порою растерявшихся, пытающихся найти путь в сложных обстоятельствах, когда порок рядится в маску добродетели, обман выдаёт себя за простоту и безыскусность, а проявление великодушия и гуманности скрывает циничную расчётливость. «Что за мир вокруг нас, чего в нём желать?» – восклицает Кларисса. – «Добро, на которое мы так уповаем, столь странно перемешано с другими чувствами, что не знаешь, к чему стремиться. Одна половина людей мучает других и сама же страдает из-за того, что способна на это» [цит. по: 4, с. ix].

Джоселин Харрис отметит, что Ричардсон, так же, как и Поуп в «Дунсиаде», допускает, что порок и добродетель слились в некую отталкивающую форму, являя собой хаос в мире морали и разума, и, уподобившись милленаристам, он верит, что зло гнездится в сердце человека, откуда его должно изгнать. «Лечебным снадобьем, на которое полагается Ричардсон, – продолжит Харрис, – является слово, чья сила воздействия подпитывается апофеозом рациональности его времени» [5, с. 3].

Сравнив ранние, приближённые к литературе, и поздние, подлинно художественные тексты писателя, критики обнаружили, насколько не совпадает тон прямых моральных советов, комментариев Ричардсона, автора пользовавшихся успехом руководств по умению вести себя в обществе – так называемых «Vade Mecum» – адресованных юным провинциалам-мастеровым, и Ричардсона-романиста, чьи герои строптиво отстаивают собственную свободу и порою отступают от принятых в обществе правил.

Преодолевший трудности в собственной жизни, добившийся успеха, материальной независимости Ричардсон, наделив своих персонажей близкими ему характерологическими чертами, склонялся к мысли, что стремление к совершенству в профессии и этике приводит человека к открытию подлинных глубин бытия.

Маргарет Дуди в монографии о Ричардсоне (1974), ставшей своеобразным итогом её многолетнего увлечения творчеством романиста, посвятившая ему научный труд, а затем обилие статей и очерков, расширивших рамки диссертации, назовёт сквозную тему его произведений – «природная страсть/чувство», выделит семантическое ядро текстов Ричардсона: любовь и судьбы героев, а также подскажет последующим поколениям литературных критиков пути исследования его прозы [1, с. 10].

Маргарет Дуди, а за нею и Кэрролл Флинн, увидят многогранность воссоздания стилистики любви, властвующей над человеком в текстах Ричардсона, возвышающей, нравственно преображающей одних и разрушающей других. Кэрролл Флинн убеждена, что любовь ведёт персонажей Ричардсона к самосовершенствованию, испытывает их, допускает гармонию союза между мужчиной и женщиной, либо, напротив, приводит к крушению надежд и катастрофе. Следуя мнению Флинн, Ричардсон обладает особым даром понимания обыденности, осознаёт, какие угрозы она несёт неискушённой юности, и поэтому нередко обращается в своих романах к ситуациям, выходящим за рамки морали: преследованию слабых, вмешательству в их жизнь, насилию над жертвой [4, с. xii].

Ричардсон-романист искусно соединит мотивы традиционного романа-поединка влюблённых, где течение действия осложняется бегством либо похищением героини, с бытовыми деталями и прозаизмом нравоописания, напоминающими о социальном разобщении, власти денег, борьбе за обладание ими. Он также введёт в английскую литературу образы персонажей-праведников – Памелу, Клариссу, Чарльза Грандисона, и имморалистов – провинциального сквайра Б., Лавлейса, Полксфена, незаурядных, сложных, равнопривлекательных для читателя, которые в свободном выборе принимают сторону тех, кто оправдывает их нравственное ожидание.

Вовлечённость персонажей писателя в житейский поток, опыт вхождения в социум, потрясения, открытие в себе личности и её совершенствование, поиск пути преодоления трудностей и предпочитаемая автором фабульная парадигма не только свидетельствуют о ценностном потенциале литературных характеров Ричардсона, но порою дают основание исследователям выделять доминанту романной формы, где светлая патетика пасторали («Памела») сменяется мрачными красками трагедии («Кларисса»), а затем гармонизируется в возвышенном мире гомансе («Чарльз Грандисон») [4; 11].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Doody M. *A Natural Passion. A Study of Novels of S. Richardson* / M. Doody. – Oxford: Oxford UP, 1974. – 410 p.
2. Doody M. Samuel Richardson: Fiction and Knowledge / M. Doody // *The Cambridge Companion to the Eighteenth-Century Novel* / ed. by J. Richetti. – Cambridge: Cambridge University Press, 1996. – P. 90–119.
3. Eagleton T. *The English Novel: an Introduction* / T. Eagleton. – L.: Blackwell Publishing, 2005. – P. 53–78.
4. Flynn C. *Samuel Richardson: A Man of Letters* / C. Flynn. – Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1982. – 342 p.
5. Harris J. *Samuel Richardson* / J. Harris. – Cambridge: Cambridge University Press, 1987. – 181 p.
6. Keymer T. Introduction / T. Keymer // *Richardson S. Pamela; or Virtue Rewarded*. – Oxford: Oxford UP, 2001. – P. 10–40.
7. Kinkead-Weeks M. *Samuel Richardson. Dramatic Novelist* / M. Kinkead-Weeks. – N.Y.: Cornell University Press, 1973. – 506 p.
8. Sabor P. *Samuel Richardson* / P. Sabor // *The Cambridge Companion to English Novelists* / ed. by A. Poole. – Cambridge: Cambridge University Press, 2009. – P. 31–48.
9. *Samuel Richardson in Context* / ed. by Peter Sabor, Betty A. Schellenberg. – Cambridge: Cambridge University Press, 2017. – 388 p.
10. *Samuel Richardson Tercentenary essays* / ed. by M. Doody, P. Sabor. – Cambridge: Cambridge University Press, 1989. – 306 p.
11. Turner J. *Richardson and His Circle* / J. Turner // *The Columbia History of the British Novel* / ed. by J. Richetti. – N.Y.: Columbia University Press, 1994. – P. 73–100.

References

1. Doody, M. *A Natural Passion. A Study of Novels of S. Richardson*. Oxford, Oxford UP, 1974, 410 p.
2. Doody, M. Samuel Richardson: fiction and knowledge. In: *The Cambridge companion to the Eighteenth-Century novel*. Cambridge, Cambridge University Press, 1996, pp. 90-119.
3. Eagleton, T. *The English Novel: an introduction*. London, Blackwell Publishing, 2005, pp. 53-78.
4. Flynn, C. *Samuel Richardson: A Man of Letters*. Princeton, New Jersey, Princeton University Press, 1982, 342 p.
5. Harris, J. *Samuel Richardson*. Cambridge, Cambridge University Press, 1987, 181 p.
6. Keymer, T. Introduction. In: *Richardson, S. Pamela; or Virtue Rewarded*. Oxford, Oxford UP, 2001, pp. 10-40.
7. Kinkead-Weeks, M. *Samuel Richardson. Dramatic Novelist*. New York, Cornell University Press, 1973, 506 p.
8. Sabor, P. Samuel Richardson. In: Poole, A. (ed.) *The Cambridge Companion to English Novelists*. Cambridge, Cambridge University Press, 2009, pp. 31-48.
9. Sabor, P., Schellenberg, B. (ed.) *Samuel Richardson in Context*. Cambridge, Cambridge University Press, 2017, 88 p.
10. Doody, M., Sabor, P. (ed.) *Samuel Richardson. Tercentenary essays*. Cambridge, Cambridge University Press, 1989, 306 p.
11. Turner, J. *Richardson and His Circle*. In: Richetti, J. (ed.) *The Columbia History of the British Novel*. NY, Columbia University Press, 1994, pp. 73-100.

У статті актуалізуються нові уявлення про особистість і творчість Семюела Річардсона, які утвердились в працях дослідників останніх десятиліть ХХ ст. Переосмислюються факти біографії, залученість та участь письменника в партійній боротьбі вігів і торі. Констатується переконаність і твердість його політичної позиції, усвідомлений вибір долі літератора. Підкреслюється сплеск інтересу авангардних літературознавчих шкіл психоаналізу, фемінізму, герменевтики, теорії читацького відгуку,

критики культури до текстів «Шекспіра прози». Більш гнучко, проникливо й пластично оцінюються властивості стильової манери Річардсона, монументальний ансамблевий тип мислення, моралістичність, яка властива складним характерам героїв, любовна тема, інтерес до жіночого світу, гендерного протистояння персонажів.

Ключові слова: монументальність, об'ємність текстів, енциклопедичний тип мислення, поліфонічність моральної атмосфери романів, тема любові, стихія буденності, герої-праведники та імморалісти.

The article updates the new approaches to the personality and creativity of Samuel Richardson, established in the works of researchers of the last decades of the 20th century. The facts of the biography, the involvement and participation of the writer in the party opposition between the Whigs and the Tories are rethought. The conviction and firmness of his political position, the conscious choice of the writer's profession are stated. The splash of the interest of literary schools of psychoanalysis, feminism, hermeneutic criticism, reader response theory and culture criticism to the texts of "the Shakespeare of prose" is emphasized. The attributes of Richardson's style manner, the monumental ensemble type of thinking, the moralism experienced by the complex tempers of the characters, the love theme, the interest to the female world, the gender opposition of the characters are more flexibly, shrewdly and pliantly appreciated.

Key words: monumentality, the ensemble type of texts, the encyclopedic way of thinking, the polyphony of moral atmosphere of the novels, the theme of love and everyday life, virtuous characters and immoralists.

Одержано 14.11.2017